

МИР ПИСАТЕЛЯ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

К 40-летию памяти Василия ШУКШИНА

Василий Макарович Шукшин умер 2 октября 1974 года. Точно известно, что случилось в каюте теплохода “Дунай”, в которой он жил один. Режиссер всё-таки, начальник. Потом ходили в слухи, что его убили. Подсыпали в кофе, которое писатель очень любил, сильно тозирующее средство. Сердце Шукшина было слабым, изношенным, и остановилось. Говорят, “одарить” Василия Макаровича ядом мог кто-то из близких и знакомых ему людей. Другие к нему в тот момент доступ не имели. Кто-то хорошо знал шаткое здоровье гения и всё заранее рассчитал. Люди эти, очевидно, были объединены, уж слишком слаженно и привычно действовали.

Гении наивны и доверчивы. У нации нет привычки вмешиваться в их личную жизнь, а стоило бы... Один Шукшин стоит больше, чем хорошо вооружённая армия. Его книги родили сотни, если не тысячи русских поэтов и писателей. Его рассказы и киноповести — это вулканические силы пробуждения отечественной культуры. Одухотворенность деревни и города, которая за годы хрущёвской “оттепели” была сведена почти к нулю. А как он поднимал авторитет русского языка! Его переводчики во всём мире и во всём мире удивлялись божественной образности нашего слова. Шукшина нужно было ценить, беречь, пылинки сдувать, у нас не получилось. Зато у тех, кто застаивал его замолчать, всё сложилось как на аптекярских весах.

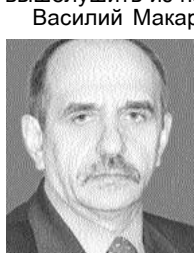
Слухи о его насильственной смерти живы, они и сейчас гуляют среди тех, кто близок к литературе. В писательской среде России нет человека, который бы об этих наёмках не знал. Не думаю, что в слухах всё правильно. Злые были и остались злыми, их не перевоспитать, создателями они не станут. Но может Шукшина позволяло время, разобравшись, что рождённый им гений слишком рано стал проповедовать волю. А уж чьими руками его забрать и каким способом — решение Высшего Неба. Нет, нет, не подумайте, Небо не стало на сторону убийц. Им ещё воздастся, а может и уже получили своё. Но Создатель почему-то не ударил руку, насыпавшую Шукшину яд?

В расцвете творческих сил ушёл человек, которому мать с дыханием подарила Талант. Василий Макарович не сказал и половины, что мог. Видел он, что не способен разглядеть мы, простые смертные. И знал много, и в будущем заглянуть был способен.

Шукшин пытался вернуть сознание России на отеческие истины, пытался повернуть молодёжь к правдивой истории — не дали. Он первым вслух заговорил о воле на Руси — не досказал, не дописал, не доиграл свои роли в кино. Не успел сделать стремление народа к воле взрывом. А мог бы. Для этого его и послали на Землю. Но кто-то увидел возможности Шукшина и хорошо разобравшись в том, что он делает. Зачем лукавыми правда? Отсюда и появилось решение заставить его замолчать. У палачей и на этот раз получилось.

В последнее время многое складывается странно и страшно. Только загорелась звезда талантливого человека, её стараются потухнуть лукавые. Вспомним Пушкина, Рубцова, Шукшина, Петухова, Чивилихина. Уверен, места, вспомнить всех талантливых, рано-рано ушедших не по своему сроку, в газете не хватит. Но наших светочей

убивали и продолжают убивать. У Рубцова даже сына убили, ничего от поэта не осталось и никого. Кроме стихов. Вот их-то враги Отечества не смогут выслушать из нас никогда.

Анатолий СТАЕИНОВ

ОТ РУССКИХ ЛЮДЕЙ... Смелая эпифансия, особенно в наше время.

В своё время жила легенда, что Алтай и есть то самое Белогорье, с которого начинается Русь. Вернее в древности когда-то появилось Белогорье. И ошибки тут нет. По всей Сибири тысячи лет жили наши прадеды — скифы. Белогорье — это их мифы и легенды. Они остались в нашем сознании. Посмотрите, сколько сегодня издаётся книг о скифах. Одни правду возвращают, другие снова и снова путают её.

О Белогорье говорили, да и ещё говорят, как о духовном чистилище. В нём выходит из человека всё плохое и рождаются добро, нравственность и совесть, основные категории души человека. Эти заруки не самовосхваление. Русь — мать всех народов земли. Однако правда эта в истории умело спрятана злыми.

Так и шло из тысячелетия в тысячелетие: русские не продадут, не обманут, не выдадут. Светлым мы были народом. Заморские гости удивлялись не только красоте, но и верности наших жён. Пожили они до непонимания плечами: почему русские не вешают на свои двери замков, а сундуки с драгоценностями у них никогда не заперты.

— Разве они не боятся воров? — качали головами пришлые. — Неужели у русских действительно нет воров?

Они и удивлялись, и не верили, что русские искренне делятся с чужим человеком хлебом и солью. Пытались найти в этом корысть, когда не получалось, выдумывали её. Такое впечатление, что эти люди имеют только чёрную краску. Сами в неё измазались и нас наградили заразой. Сами умирают чёрными и хотят, чтобы мы такими же уходили к Богу. Но эти усилила временны и немощи. Русь не победить. Ничего, что они сегодня на наших могилах пляшут и кричатся. Завтра они уйдут в полное забвение, а правда останется.

Если мы ей поможем остаться. Бабка моя, покойница, Феодосья (Фатима) Романовна, светлая и мудрая личность, считалась в деревне знахаркой и предсказательницей. В крови у неё была чистая чеченская кровь. Но бабка приняла православие, считая, что нельзя быть в деревне белой вороной. Зная два писания и устно знакомая с Ведами, утверждала её до Отчужденной войны, что с Запада сила пойдёт, это ещё не беда, а вот как с Востока двинет — то настоящая беда. На деревню останетса по дватри человека, а на город — один. Но это будут русские. У меня нет оснований не верить родной бабушке. Потому на всякие потуги унижить Русь, добить её, смотрю с улыбкой — не получится. Хотя вспомнись смерть Шукшина, Талькова, Чивилихина, Петухова, так и

хочется закричать: что же вы делаете, лучших людей отправляете на тот свет!

Но история есть история. Пришли лихие люди, а с ними лихие времена: и воспитывать нас стали по-другому. Народ изменился не в лучшую сторону. Теперь мы почти как все... Но рождались и рождаются неугасимые звёзды, которые должны вновь согреть и вдохновить нацию. Один из них Василий Макарович.

Небесной высоты талант, та самая свечечка, чей огонёк виден даже в глубине холодного моря. Его не тушат ни снег, ни ветер, ни хула чёрных людей.

Русское сердце

Нехорошего о Шукшине писали много, пытались пробовать выдавить его из нашей памяти, не получилось. Жило и живёт творчество Шукшина. Василий Макарович писал максимум десять лет. Но и за это время успел показать нам нас самих, наши возможности и светлую сторону наших прошлых дел. Так ярко, так мудро, что его повести

становились сразу же в душах читателей неугасимым порывом к лучшему...

Только не смирились недруги и завистники. Нет-нет, кто-то из них вновь пихнет острым шилом в его имя. Словно хотят прополоть в этом гигантском полотне большую дыру, чтобы утопить Шукшина в Лете. Но что такое река, пусть даже и Забвения, против океана гениальности? Не тратьте время, чёрные люди, не утонут Шукшин в нашем беспомоществе и уже не утонет никогда. Забвение в памяти потомков, это для нас с вами, не для него. Спрячьте свои ножи, они бессильны против гения. Всего десять лет писал он книги, а как показал характеры, души своих героев. На страницах книг Шукшина вновь родилась Великая Русь.

В год смерти Василия Макаровича я работал ветеринарным фельдшером в своей Татьяновке. Всё свободное время сидел за столом и писал. Меня публиковала районная газета, и знал районный читатель. Зато сам я много читал книг, журналов, газет. Как сейчас помню в “Литературной газете” некролог о Шукшине. Однако сам я в то время только слышал о писателе Василии Макаровиче Шукшине, видел его фильмы, но не знал книг. Не знал ни о каких подтекстах в его жизни.

Деньги в кармане позвякивали, советская власть правила, я бы с радостью купил что-нибудь из Шукшина. И тысячи, тысячи других советских людей поступили бы также, но книг было не достать. Раскупали. Хотя и печатали его много, tiraжи-то выходили миллионные, по нынешним временам такого не встретишь. Но ведь их не хватало. В Татьяновской библиотеке была только его сказка “До третьих пе-

тухов”. Тоненькая такая книжечка в мягкой обложке. Зачитали её быстро, остались мы совсем без Шукшина.

А фильмы, пожалуйста, хоть сейчас перечислю наизусть: “Живёт такой парень”, “Калина красная”, “Печки-лавочки”, “Ваш сын и брат”, “Странные люди”... В нашу маленькую деревню привозили фильмы уже достаточно истёртые, местами порванные и потому с пропусками, но мы их смотрели и смотрели. Частенько в зале плакали, особенно если шла “Калина красная”. Педагогически доставал свой носовой платок и я.

Шукшин знал потаённые струны ду-

ши русского, ведал, как тронуть их и разбудить доброе. У него получалось достигаться до сознания. Пусть и не сразу, а через десятки лет после его смерти начинаем понимать, что он хотел сказать. Его Иван Дурак из сказки “До третьих петухов” — разве не мы с вами? Куда послали, туда и безумно идём. За справкой так за справкой, в пивнушку так в пивнушку. Дорога ли это в рай или наоборот — в пекло, даже не подумаем. Послали, значит, нужно идти. И монахи, что в этой сказке пустили чертей в монастырь, разве не мы с вами?

Что сказали, то и едим, детей своих травим химическими китайскими яблоками, химическими, специально для России выращенной, свинойю. Только на одних антибиотиках и разных “удобрениях” кормят на западе свиней специально для России. Едим, загниваем отравленной водкой. Шукшин ждёт, что когда-нибудь проснёмся. Ведь того атамана с саблей, который спасал Дурака, у нас уже нет и не будет. Надо самим научиться думать о себе. Пора бы уж. А вот сколько уже лет не получается.

Василию Макаровичу было предназначено стать для Руси не пророком и PROVIDENCE, а твердью, которая должна поддержать Русь в минуту её самого страшного обольщения. Скорее всего, он этой твердью уже стал. И чем больше проживёт Русь, тем значимее для неё будет Шукшин. Хотя ведическая философия утверждает, что ничего не разрушаемого в мире нет, хочется верить, что такая твердь как Шукшин проживёт ещё тысячелетия...

Сегодня, когда прошло столько лет после его смерти, можно смело утверждать, что он относится к той десятке великих писателей двадцатого века, которая оставила своё творчество великому народу на века: Шолохов, Есенин, Рубцов, Шукшин, Астафьев, Распутин, поэт Юрий Кузнецов, Василий Белов, Твардовский. Их судьбы и дела так замешаны в культуру русской словесности, что останутся с нами навсегда. Да не только с нами, со всем миром. Найдите мне крупную библиотеку мира, которая бы не имела Шукшина, Астафьева, Есенина?..

В предисловии к одной из книг Шукшина, изданной в Красноярске, умные редакторы поставили эпиграфом его замечательные слова:

“Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту.... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами

и отцами.

Уверю, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавая всего этого за лонных табаку. Мы умели жить, помни это”.

Мне всегда казалось, что Шукшин знал, зачем он послан на землю. Особенно чётко и явственно он осознал это в последние годы своей жизни. Слова этого эпиграфа взяты из писем Шукшина в издательство “Молодая гвардия”. Сегодня они звучат как завещание гения.

Герои его повестей — люди со сложными судьбами. Не всегда их души белы, а поступки святы. Однако они стремятся к добру. Настоящие сеют братолюбие и способны умереть за него. Они всегда готовы отдать своё тепло тому, кто остро в нём нуждается. Некоторые критики писали, что герои Шукшина сомнительных достоинств. Они подняты со дня общества и очищены писателем для больших дел искусственно. В жизни ещё никто со дня не поднялся. Дно было и остаётся дном, а Небо — Небом. И со дня взлететь моментально в Небо, как у героев Шукшина, ни у кого не получится.

Но это у других не получится, а у русских всё всплывает как свечечка в храме. Вспомним Отечественную войну 1812 года? За счёт чего победили? — Духа и идеи! А не духом ли единым обороняли Севастополь, спасли государство во время русско-японской войны?

На одном духе выстояли в войне 1941-1945 годов? А что нам ещё предстоит вынести, без горьких слез и не напишешь. За двадцать лет правители вампиры высосали из лучшей в мире страны все соки... Готовят они нам в ближайшем будущем большой праздник. С кровью и слезами. Но уверен, выстоим. Так и бабушка моя, Феодосья Романовна, предсказывала.

Кругозор самого Шукшина формировался вместе с его книгами, кинофильмами, новыми задумками. Именно последние годы многое открыли ему в правде об истории России. Он узнал столько нового, что ужаснулся правде. Он закричал о воле, когда понял, что народ давно уже в самом настоящем плену. Нация ещё не понимает, что её настойчиво ведут к угасанию. Из года в год, из десятилетия в десятилетие. Ведут на жестком повадке оглушения и одурманивания, которое как в наемешку называли светлым будущим. Шукшин догадался, что будущее у народа отнято, его ведут в пропасть.

О чём бы ни писал Шукшин, как и любой писатель, он всегда пишет о себе. Повести Шукшина во многом автобиографичны. “Там вдали” начинается с биографии главного героя Петра Ивлева. “Он осиротел в один год сразу, когда не исполнилось и четырёх лет”. Шукшин также осиротел в четыре года, у него расстреляли отца. Якобы за помощь тем, кто был недоволен Советской властью. Но Шукшин прекрасно понимал, что власть двадцатых [Троцкий и камарилья] и власть семидесятых — это день и ночь. Он не боролся с Советской властью; власть, хоть и во многом условно, была народной, а он служил своему народу.

Шукшин хорошо и подробно расписывал героев криминального мира, потому что не с чужих слов знал, что такое тюрьма и как туда попадают за дурость. Все главные герои списаны Шукшиным с самого себя.

Повторимся, Шукшин не боролся с Советской властью и не считал себя обиженным ею. Хотя он жил не в тех

условиях, в каких сибаритствовали Евтушенко, Вознесенский, Юлиан Семёнов или братья Стругацкие. Они всю Европу обехали за счёт советского народа, при этом изо всех сил критиковали Отечество, за что им неплохо платили. Как-то Иосиф Бродский, писал, что Вознесенский — фальшивый авангардист. С Бродским я соглашусь. Но жил Вознесенский как самый великий гений. Шукшин же всегда остро нуждался.

Евтушенко в то время издавался во многих странах Европы и много говорил в России о своей значимости, непростимости, непогрешимости. О своём исключительном таланте и популярности. Но посмотрите, только дунул ветер времени и сразу унёс за наши деньги созданную шелуху шумихи вокруг имён этих поэтов. А под шелухой никаких зёрен. Их труды в большинстве своём умирают сразу после выхода в свет. Своих авторов они никогда не переживают. Ну да бог с ними, с шумными поэтами. Разговор о настоящем словотворчестве.

Василий Макарович Шукшин легко и просто без чьей-либо помощи эту проверку временем прошёл. Его читали, читают и будут читать. Нет в мире серьёзного университета с филологическим уклоном, где бы ни были произведения Шукшина.

Строка Шукшина отличается от астафьевской, носовской, беловской. Она без долгих рассуждений и вычурности, на первый взгляд проста, понятна, в чём-то даже наивна. Но давайте вспомним смерть Егора Прокудина в “Калине красной”. “У Егора из-под прикрытых век по темени сползла слезинка, подражала, повиснув у уха, и сорвалась, и упала в траву. Егор умер.

И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, приникнув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное”. Эти слова — фон для истины, которую Шукшин ведает читателю. Мало их теперь на Руси настоящих мужиков-то. Потому что настоящие мужики — это и есть Русь. Вот её-то, Руси, как раз мало и осталось. Что слышал Егор Прокудин в этот последний миг жизни на земле — Русь! Святую нашу землю. А разве сам Егор Прокудин не святой? Человек вдруг прозрел, увидел, что его все эти годы вели по земле как бы с повязкой на глазах. Что его тюрьма и сроки — это воля злых людей, а не стечение обстоятельств. Он откинул свою прежнее слепоту и захотел идти сама. Убили...

Он отказался от чёрного прошлого ради любимой женщины. А женщина эта и есть Русь. Наши с вами матери, жены и дочки, которых мы теперь безропотно отдаём на поругание. Читайте внимательно, увидите, что хотел и что успел сказать Шукшин.

Ради светлого будущего, в которое он твёрдо решил идти, умер Егор Прокудин. Его кровь смочила землю, и она станет плодородней. Значит, народ будет — талантливый, мудрее. Нас делают такими Шукшин.

За каждой строчкой шукшинских повестей тайнственный свет, который гадать да разгадывать. Философия божественного определения святости Отечества. И всё это написано за десять лет! За миг. Разве случается такое без Бога.

Поклонимся же гению, он сражался за Родину. Он погиб за неё от удара коварных. Они всегда бьют исподтишка и сзади. Но книги его с нами, они остались. Значит, и тепло его сердца, мысли его и мечты тоже с нами.

Размышления о творчестве Юрия Лощица

Что такое заставляет нас, самих далеко уже не юных, при общении со старшими писателями чувствовать некую свою слабоватость коленок? Откуда, от чего в присутствии мастеров отцовского поколения у нас такое ясное ощущение собственной хлипковатости, своей недопечённой немонотонности, откуда это звучание вдруг с сурдинкой? Дело же не в арифметическом сложении-вычитании лет и зим — и сами мы с усами, и не в прошлом ученичестве — и сами почти что легендарные наставники, нет, тут нечто совсем иное. Не возрастное, не профессиональное, не именито-реальное. Ведь оно равно переживаемо и рядом с девяностолетним Годенко, и с семидесятилетним Распутным, которые из столь разных времён и столь разных одарений. Так что?

Что? — Война. И Победа.

Мне не раз доводилось слышать от фронтовиков о том, с какой нежностью, с каким трепетом они относились к детям, родившимся перед Войной. К тем, кто осиротел, и к кому они вернулись. К тем, кто в мирных объёмах глож под бомбёжками у Буга и Днепра и на девческих выставках лежахках пух от голода за Невой и Иртышом. К тем, кто беззастенчивым младенчеством, слабосильным малолетством своим уже участвовал (!) в Великой Отечественной. Самой великой из отечественных. Кто, подобно апостолам, собственными своими глазёнками и глазами увидел, как смерть попираема смертью.

Ветераны, фронтовики — простые и сложные, гибкие и ломкие, щедрые и рачительные, скорые и трепетные — такие разные, такие отличные люди, такие несводимые несхожие, но которым дал Бог силы и срок собраться, стечься и особротиться, дабы в этой ещё жизни, ещё во плоти, объединённо пройти-перейти мытарства-чистилища, и самопожертвованием взаимной любви искупить на Земле грехи Земли, неисчислимыми и невыразимыми страданиями запретив её аду.

“Смерть! где твоё жало?! А! где твоё жало?!” — Пасхально, от знающего к вверившему, через века возвращает Иоанн Златоуст пророку Осии.

Старшее поколение знает то, во что мы верим. Поэт, прозаик и публицист Юрий Михайлович Лощица дошлостью выжил-пережил накаты и откаты фронтов, немецко-румынской оккупацию со всеми ужасами её для семьи воюющего советского офицера, эвакуацию в неведомую Сибирь, чтобы там, дотянувшись с цыпочек, первоклассно кривыми буквами выцарапать на школьной доске “ПОБЕДА”. Он — кроха-ветеран, он малец-очевидец, дитя-свидетель того, что смерть попираема и переходима.

Писатель — свидетель, показателец и утвердитель своего времени, своего народа в своём времени. Для этого он Богом призывается, через это у Бога оправдывается или осуждается. Книги двадцать первого века ложатся на книги двадцатого, как те легли на книги де-

вятнадцатого, — но это не просто память нации, не архив мыслей и чувств народа, читаемая книга это вновь живое прошлое, которое порождает будущее. Это самая жизнь, это его, народа, душа в первоначальных словах.

И русский реализм из Девятой заповеди: “Не лжесвидетельствуй!” Как бы личный опыт пишущего не заводил его в метафизику или эпистемологию, как бы ни подгонял его творчество под раздел “реализм мистический”, “критический” или “социалистический”, но “Не лжесвидетельствуй!” всегда для всех.

Мы родились, росли, выросли, мы созрели и перзрели, не познав победы. Нам уже не выпало

Василий ДВОРЦОВ

видеть, как от сорок пятого к пятьдесят пятому встали из небытия Сталинград и Минск, Смоленск и Орёл. Как жизнь наново заполнила Ленинград, Курск и Киев. Как вновь озолотились хлебами выжженные в пепел Кубань и Ставрополье. На нас идейно, понятийно формирующее налегало, навалилась если не хрущёвская слякоть, то застойная фальшь. Мы вольно-невольно участвовали в угасании величия, в разломе и разрыве Родины, мы живём в её затяжной агонии, мы — её стареющее и сокращающееся население. За все наши полувековые холодные войны и горячие точки нас обложили контрибуциями. Наших детей подучили, что мы лузеры. Но мы всё равно верим — да вменится нам в оправдание: верим! — Россия боголовима. Она не умрёт, не может умереть, так как её конец — конец миру. Всему миру. Всему.

Старшее же поколение знает то, во что мы верим. Вот откуда ощущение своей хлипковатости, немонотонности при общении. Между нами и нами заложена непреодолимая историческая граница, по обе стороны которой иное масштабирование мира. И себя в мире... Христианин судьбой исповедует Христа распятого, умершего и воскресшего. Да, и у нас есть опыт смерти, есть опыт гибели и возрождения — без такового чувственно пережитого и осмысленного опыта художника просто не получается! Только опыт этот у рождённых после Войны уже индивидуальный. Личностный. У мастеров же отцовского поколения он общенациональный.

Понятно, что эпохи меняет не солнечная активность. Богу нужны мы всё время такие. Такие — всё так же бьющиеся со всё тем же злом, всё так же воюющие за всё то же добро, но рассеяно, раздвоенно. Самолично. Самовольно. О том, что не сбылось, не произошло, не стало меж нами на свете, однажды мы будем томиться светлом, слезами давиться, как дети. Зачем же, скажи, будто жизни назло, какая-то жёсткая сила

велит, чтоб не сбылось, не произошло, чтоб сердце впустую изныло?

Простите, но трудно представить кого из наших, всё далее послевоенных, кто, как Лощица, начав разрозненно публиковать свои стихи по газетам и журналам с конца пятидесятых и общепризнанно застолбившись среди поэтов первого шшелона, кто всегда имея выход на самых влиятельных издателей, первую свою книгу поэзии выпустил бы только в 1990-м! А, вот так, осознав себя православным и национальным, поэт тридцать лет не позволял ни себе, ни миру калечить режиссуре сборника в играх с цензурой. Вдумайтесь! Это пример, как мыслят, чувствуют и действуют старшие, кто, пусть даже слабосильным малолетством поучаствовал в Великой Отечественной. “Делай всё ритуально” — сформулировал образ совер-

Ничего не придумаешь...

шенного поведения Конфуций. Ветераны делают всё идейно. Принципиально, с той же религиозностью: “так должно быть”. И потому в их жизни время не столь важно, как в нашей, ибо идея над и вне-временна. Начал публиковать стихи в конце пятидесятых, первую книгу выпустил в 1990-м.

*На сердечном одном повороте,
на ворчливом своём перекате
ты меня остановишь, Нерль,
Где, в каком скитался народе?
На каком толкался базаре?
Что пришло?..*

*Да, толкался и так и эдак
и на пьяных скупал бесадах,
чей-то глаз стриженный ловил.
Но ничто глубоко не задело:
даже Сфинкса собачье тело,
даже мутноленивый Нил.*

*Так не плачь, не кори, не печалься.
Никогда я не отлучался.
Не пропал ни за так.
И в Божественной мгле на Синае,
где толпой обступали банзай,
мне сверкал твой небесный черпак.*

Для Лощица всё шло, как должно было идти. И потому поэт своему народу прежде и более известен по серии ЖЗЛ, как романтист-биограф могучего и страстного князя Дмитрия Донского, странника-философа Григория Сковороды и величайшего русского человекаведа Иоанна Гончарова.

А встреча Лощица с Гончаровым просто не могла не состояться. Ведь даже трудно представить, что бы ещё из наших современников так внутренне совпадал, что оказался б настолько синхронизирован со столпом классики — консервативным утверждением жизни против романтической гнили и декадансного опустошения. Жизнь по убеждениям Ивана Александровича оказалась соразмерна, соматштабна идейной жизни Юрия Михайловича. Ведь кому из нас, почти уже и воцерковлённых, почти что

и монархистов, как вот этому, и в семьдесят пять, юношески худощавому невеличке, достало бы внутреннего росту увидеть “Евангелие как хронику преступления”, на чьей и большей голове не завалилась бы шляпа, не помешала бы услышать, как “Христос ругается”? Кто из нас, развернув груды, вслед за Державиным, Гончаровым, Майковым, Гумилёвым в силах нести подкарточно парадно: “Христос — вечный Царь, антихрист — временной президент”. Нести сквозь озверение либералии, нести к народу, в народ, что никак ещё и до тирана-кахетиона не разогнётся.

Об Обломове-символе в противопоставление Обломову-симптому, об Обломове-обличителе, разъяснением Лощица стражающего Обломова-обличение, Обломове — Христе русской субботы, насказано и написано, хотя, конечно же, далеко ещё не всё. Так и “Обрыв” —

всё та же пасхальная модель, топография смерти и воскресения: исхождение от жизни прежней, ветхой — из бабушкиной усадьбы, повреждённой застарелой тайной греха, через увлечение-падение сиреновым романтизмом в смерть-обрыв, и — через покаяние! — в обятия жизни новой, что из-за реки, с иного берега.

*Ничего не придумаешь лучше того,
что назначено для тебя.*

*Ничего не придумаешь лучше того,
что назначено.*

*Ничего не придумаешь лучше того.
Ничего не придумаешь лучше.
Ничего не придумаешь.
Ничего.*

Действительно, послеблинскому читателю для понимания Гончарова нужен Лощица. Потому-то на писателя сверкнул недобро глаз “большого брата”, сам Суслов зарубил награждение книги, спустя вдовгон свору коммуно-антрусской критики. Эпохи меняются, но гражданственность спасается в нас эстетикой, как мир — красотой. “Смерть! где твоё жало?! А! где твоё жало?!” Суслов, Бялик, Вайсман, Резник — вы кто?!

*Март — это путь.
Это наст.
Это хруст.
Это сено
цепляющий куст.
Это берёзовый дым
набекрень.
Это Великий пост.
Это высокий день.
Это клещи.
Это кохнувший холст.
Это шорохи заспанных крон.
Это зевающий сон.
Это звон
очнувшихся звёзд...*

Как всегда неожиданно и хорошо у большого поэта меняются ритмы и мелодии в согласии с темами. Это не перепевность, это свобо-

да таланта и мастерства. И вот прямо-таки хлебниковская капель “Марта” чередует совершенно бунинские “Вечер танет вдоль села”, “Свете тихий”, “Серый день” и околотоволинские “Тричистое”. Да, везде подача в суть содержания.

Ю. М. Лощица. “Послевоенное кино”:
“О, безымянные мои приятели и подруги того звонкого лета! Я никого не запомнил по именам, да и меня вряд ли кто вспомнит. А как нам было хорошо! Мы просто с ума сходили от немеряных наших дней, от нашего, казалось, на всю громадную жизнь приятельства. И, возможно, как раз чтобы не сойти с ума, мы с утра до ночи созласным хором визжали, хохотали, улюлюкали, пели, выкрикивали игровые команды, паролы, считалки и присказки, пускались в плач и рёв, беспричинно переходили в смех, и наоборот, — со стороны это, наверное, походило на птичий базар, на шёбет и писк стрижиной стаи перед дождём или на таинство маленьких лесных полубожков. Мы давали полную волю переполняющему нас восторгу бытия, мы заявляли громко о невыразимой в словах уверенности своей в том, что мы — бессмертны. А остальные как хотят”.

Вьются мелодии и в прозе, и в публицистике — “Полумир”, “Земля-именинница”, Славянские святы”, “Кирилл и Мефодий”... Вьются так, что не изымешь, не вырвешь для примера цитату, как не вытянешь струю из потока. А чуткость к смыслу звучания слова у Юрия Михайловича от его славянского многоязычия: от дедовской украинской мовы и сибирской чистоты векорусского, соитие которых полномерно церковно-староболгарским и возлюбленным сербским.

А ещё от сопряжения беспривального странничества и затворной книжности. Сирия и Афганистан, Якутия и Палестина, Белград и Тобольск, Байкал и Днестр — а меж ними архивы спецхранов и читальные залы, кафедры и каткомбы, аудитории и кельи. Только в таком плотном замесе пространств и времён магия осмысленного звука сублимирует силы, что любого пленяют с самой маюсти первопрочитанного и удерживают всю жизнь.

Ю. М. Лощица. “Юнион”:
“Вечер, вечер” — старческими румяными губами шепчет кора столетних акаций. “Вечер, вечер”, — это взвняет струи молока о прозрачные стенки нового белградского подойкища. “Вечер, уже вечер”, — поют над селом миллионы цикад. “Вечер, вот он, вот он”, — стучат о землю б